

ОТРЫВОК ИЗ БУДУЩЕЙ КНИГИ

В дни, когда страна отмечала 100-летие со дня рождения Петра Леонидовича Капицы, я вспомнил свою единственную встречу с ним. Она всплыла в моей памяти так ярко и детально, что мне захотелось обязательно о ней рассказать.

Как и многие другие мои встречи с замечательными людьми, это произошло в доме вдовы Михоэлса — Анастасии Павловны Потоцкой, в ее комнатке-«купе», как она ее называла. Было это в конце 70-х годов. Когда я пришел к Анастасии Павловне (что бывало в ту пору весьма часто), застал у нее Петра Леонидовича и его жену — Анну Алексеевну. Гости были в превосходном настроении, хозяйка, как всегда радушна, оживлена и остроумна. Это был запоминающийся вечер непринужденной, но блестящей беседы интересных людей, давно знающих и любящих друг друга, вечер рассказов и воспоминаний... Совершенно естественным образом разговор зашел и о Михоэлсе.

Прерывая неторопливое течение беседы, Петр Леонидович неожиданно для нас раскатисто рассмеялся.

«Я вспомнил один весьма занятный разговор с Соломоном Михайловичем, — объяснил он в ответ на наши удивленные взгляды. — Это был мастерский розыгрыш, до которых Михоэлс был большой охотник... Так вот, зашел он ко мне как-то и «с места в карьер» начал:

— Петр Леонидович! Я всегда думал, что анекдоты и легенды сочиняются только о писателях, актерах и политических деятелях. А тут мне рассказали очень очень занимательный анекдотчик о вас...

И, сделав непроницаемое лицо, надолго замолчал. Я поторопил его, сказав, что мне «очень-очень» любопытно.

— Ну, пожалуй, анекдот о дважды сталинском лауреате рассказывать сегодня не рискну. Нет уж, преподнесу-ка я вам этот подарочек к вашему юбилею...

— Соломон Михайлович, не хватит моего терпения еще на месяц, — запротестовал я. — Расскажите сейчас!

И тогда, понизив голос до заговорщического шепота, Михоэлс заговорил:

— Итак, суть анекдота в том, что вы, дорогой Петр Леонидович, — истый... антисемит. Это же абсолютно точно! Правда, после вашего выступления на митинге Еврейского антифашистского комитета появились серьезные подозрения, что вы — еврей. И вообще фамилия ваша не Капица, а Капицер, и зовут вас не Петр Леонидович, а Пинхас Лейбович... Но сейчас уже есть неопровержимые доказательства, что этим выступлением вы всего лишь попытались прикрыть свою антисемитскую сущность...

Тут уж замер я, а Михоэлс, внимательно осмотрев стены и остановив выразительный взгляд на телефонном аппарате, вкрадливо произнес:

— Петр Леонидович, Петр Леонидович, вы меня слушаете или нас слушают только «ОНИ»?

Петр Леонидович почти буквально имитировал голос Михоэлса:

— Так вот, товарищ Капица, говорят, что в Кембридже специально для вас построили огромное здание...

— Ну не совсем для меня, а для лаборатории... Но при чем здесь «еврейский вопрос»?

— Значит, сознательно: построили специально для вас огромное здание!.. Вспомните, гражданин Капица: чем приказали вы украсить фасад вашего здания?

— Я попросил моего друга, скульптора Эрика Гилла, вырезать из камня огромного крокодила. И он выполнил мою просьбу. Но причем здесь «еврейский вопрос»?

— Теперь вопросы буду задавать я, а не вы, почти уже обвиняемый Капица! Значит, это правда, что на фасаде Вашей лаборатории был крокодил. Все ясно, обвиняемый Капица. Вы — антисемит номер четыре.

Во время беседы, о которой так живо рассказывал П.Л.Капица, Михоэлс столь естественно вошел в роль следователя, что, сам того не заметив, «подследственный» был буквально «вогнан» в роль обвиняемого.

Я оценил анекдот, полностью пришел в себя, и мы резко изменили тему: поговорили о войне, которая тогда еще не закончилась, условились вместе поехать к Алексею Николаевичу Толстому, я еще раз напомнил Соломону Михайловичу о моем предстоящем юбилее...

Мы попрощались. Я окунулся в работу, но вечером вдруг снова вспомнил о нашем разговоре. Позвонил в театр. Михоэлса на работе не было. Позже позвонил ему домой. Хотел все же понять, какая связь между крокодилом Гилла и антисемитизмом Капицы...

Соломон Михайлович взял трубку. Я рассказал ему, что кто-то меня уже спрашивал, почему именно крокодил сторожит мою лабораторию. И я тогда ответил, что существует сказка о том, как крокодил проглотил человека с часами, человек не успел даже пикнуть, а

сем хорошо... И это вполне позволяет причислить вас к антисемитам высокого ранга...

— И все же, причем здесь крокодил? — Крокодилу, — важно произнес Михоэлс, — в Священном Писании уделено место особое. Правда, наши Пророки называли его», — Петр Леонидович попытался вспомнить другое название крокодила, морщил лоб, прищелкивал пальцами, даже стал рыться в энциклопедическом словаре, но так и не нашел. Анастасия Павловна успокоила его, сказав, что весь этот разговор происходил при ней, показалась ей очень интересным и, как всегда в таких случаях, она «набросала» его на бумагу. Обещала найти его и передать Петру Леонидовичу... Разговор перешел на другое.

Привычка немедленно записывать все, что запомнилось мне из интересных встреч, возникла у меня случайно и давно — после встречи с Самуилом Яковлевичем Маршаком. Так поступил я и на сей раз. Через несколько дней я принес Анастасии Павловне «протокол» этого дивного вечера в ее «купе». Анастасия Павловна «в ответ» протянула мне свою запись рассказа Михоэлса о крокодиле...

«Знаете ли вы, что такое крокодил для евреев? — говорил Соломон Михайлович. — О нем писали наши Пророки.

Крокодил в Священном Писании чаще именовался левиафан. Да будет вам известно, слово это происходит от еврейского «свертываться», «витьеся». Это было страшное гигантское морское чудовище змееподобного вида. В книге Иова, которую вы, конечно, не помните, о нем написано: «От его чихания показывается свет; глаза у него, как ресницы зари... Дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя. На шее его обитает сила, и перед ним бежит ужас. Сердце его твердо, как камень, и жестко, как нижний жернов... Он кипит пучину, как котел, и море претворяет в кипящую мазь... Нет на земле подобного ему... он царь над всеми сынами гордости...» Чудовище это, этот беспощадный, мощный крокодил, внушало страх и смертную тоску всему народу израильскому; в псалмах, в книге пророка Исайи (которые вам тоже, очевидно, неизвестны) под левиафанами подразумеваются властелины Египта и царства Вавилонского — тех стран, где евреи особенно тяжело страдали... А вы, уважаемый Петр Леонидович, украшаете фасад именно крокодилом! Как же вас после этого не причислить к первейшим антисемитам?

Священное Писание надо бы знать и великому ученому, дорогой Петр Леонидович, и тогда будет осмыслительнее выбирать эмблемы для своих лабораторий...

Таков был конец недосказанного «анекдотика»; как всегда у Михоэлса, он вылился в интересный рассказ о вещах значительных, в нем перемешались шутка и серьез, зубоскальство и глубокие знания...

В наши дни, когда имеются книги о Михоэлсе и о Капице, когда опубликовано так много различных материалов, в том числе «сверхсекретных» (например, письма Петра Леонидовича Капицы Сталину, Молотову и Берии в защиту академика Ландау — в ту пору это был не просто смелый поступок, а подвиг), моя заметка, надеюсь, внесет свой штрих в понимание человеческого облика великого ученого и великого артиста, выставит какую-то новую грань их отношений и той атмосферы, которую они создавали вокруг себя.

Рисунки
Ольги КАШИНОЙ

Матвей Фейзер К истории одного «допроса» (Капица и Михоэлс)

Восм. Москва — 1994. — 11 ноября
с. 5.

Заикаясь, я спросил Михоэлса, — продолжил свой рассказ Петр Леонидович, — во-первых, каким боком крокодил Эрика Гилла причастен к «еврейскому вопросу»? А во-вторых, почему я «антисемит номер четыре»?

Слышу голос Соломона Михайловича и вижу его лицо перед собой. Он пронзает меня своим взглядом...

— Вас что, антисемит Капица, обидело «четвертое» место в многомиллионном строю антисемитов? Вы что, претендуете на первую тройку? Так эти места на сегодняшний день заняты другими. Не будете же вы претендовать на место Гитлера! А тем более... — Михоэлс проглотил конец фразы. — Согласны со мной, подсудимый Капица?

— Конечно, конечно, гражданин следователь! — Как вы только что поняли, и второе, и третье места на сегодняшний день заняты прочно. Перестановки возможны только в первой тройке, поэтому не обижайтесь, подсудимый Капица, и будьте довольны своим четвертым местом в бесконечно длинном списке антисемитов.

часы еще долго тикали в желудке крокодила... Сказка эта показалась мне символичной: любой прогресс — а в науке в особенности — подобно крокодилу поглощает беспощадно все, что попадает на его пути, и продолжает свое движение без оглядки назад...

Я ожидал, что Петр Леонидович упомянет о том, что во время работы в Англии он прозвал Крокодилом самого Резерфорда, и прозвище это получило большую популярность среди молодых ученых Кембриджа (я не раз читал об этом), но он почему-то об этом ничего не сказал...

«Выслушав меня, Михоэлс определил:

— Теперь я понял, Петр Леонидович, почему вы так обиделись за «четвертое» место в списке антисемитов. Вы, безусловно, достойны более высокого!

Мне стало не до шуток... Соломон Михайлович, видимо, почувствовал, что «переигрывает» и со свойственным только ему юмором проговорил:

— Дорогой Петр Леонидович, — вы великий ученый, но Священное Писание знаете, мягко говоря, не сов-